

В ТВОРЧЕСТВЕ ЧУЛПАН И ФЁДОР ДОСТОЕВСКИЙ: ДУХОВНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ И ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ

Султонова Зулхумор Сабатуллаевна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института;*

Явкочева Фариза Шерзод кизи

*студентка 1 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института.*

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются типологические схождения в раскрытии темы внутреннего конфликта и духовных исканий в творчестве Ч. Чулпана и Ф. Достоевского. Автор анализирует способы изображения психологического надлома героев, их стремление к самоопределению через призму веры и гуманизма. Особое внимание уделяется метафорическому языку и философской наполненности образов.

ANNOTATSIYA. Ushbu maqolada Ch. Cho'lon va F. Dostoyevskiy ijodidagi ichki ziddiyat va ma'naviy izlanishlar mavzusining tipologik o'xshashliklari ko'rib chiqiladi. Muallif qahramonlarning ruhiy inqirozini tasvirlash usullarini, ularning e'tiqod va insonparvarlik prizmasi orqali o'zligini anglashga intilishini tahlil qiladi. Obrazlarning ko'chma ma'nolari va falsafiy mazmuniga alohida e'tibor qaratilgan.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экзистенциализм, духовный конфликт, гуманизм, психологизм, метафора, свобода воли, нравственный выбор.

KALIT SO'ZLAR: ekzistensializm, ma'naviy ziddiyat, gumanizm, psixologizm, metafora, iroda erkinligi, axloqiy tanlov.

Исследование точек соприкосновения между художественными мирами Фёдора Достоевского и Абдулхамида Чулпана позволяет обнаружить уникальное единство в понимании человеческой природы. В центре обоих миров стоит человек, терзаемый противоречиями между земным существованием и небесным идеалом. У

Достоевского это часто проявляется через персонажей, которые, находясь в тесных комнатах-гробах, пытаются осознать границы собственного «я» и допустимость переступания морального закона. У Чулпана же, особенно в его лирике и романе «Ночь и день», конфликт обретает более выраженный социальный оттенок, где тьма невежества и деспотизма становится внешней проекцией внутреннего оцепенения героя.

Литературовед Бахтиёр Назаров в своих трудах справедливо отмечал, что Чулпан, будучи глубоко национальным автором, впитал в себя традиции мирового психологизма.¹ Его персонажи не просто действуют, они пребывают в состоянии постоянного диалога с собственной совестью, что роднит их с «подпольными людьми» русского классика. Это не прямое заимствование, а конвергентное развитие идеи о том, что истинная драма разворачивается не на площади, а в тайниках сердца. Достоевский в своих размышлениях о «русской душе» часто указывал на её способность вмещать две бездны — идеала Мадонны и идеала содомского. Чулпан, в свою очередь, через образ Зеби или через свою мятежную лирику, показывает душу, зажатую между традиционным укладом и стремлением к свету свободы, где каждый шаг сопровождается мучительным сомнением.

Если рассматривать внутренние монологи героев, мы увидим, что авторы используют художественное перефразирование состояний, близких к агонии духа. У Достоевского герой может ощущать, что его мысли спутались в клубок колючей проволоки, где каждая попытка найти логическое оправдание преступлению лишь глубже ранит его естество. Он видит себя не великим вершителем судеб, а дрожащим существом, чья гордыня разбивается о невинный взгляд жертвы. Аналогично у Чулпана: герой чувствует, как тяжёлая пелена безвременья ложится на его плечи, превращая жизнь в бесконечное ожидание рассвета,² который всё не

¹ Назаров Б. Чулпан: жизнь и творческое наследие. — Ташкент: Фан, 1991. — С. 45-48.

² Чулпан. Избранные произведения: «Ночь и день», лирика. — Ташкент: Шарк, 1994. — С. 210.

наступает. Духовные переживания здесь передаются через символы запертых дверей и увядающих садов, где красота обречена на гибель в условиях несвободы.

Критик Михаил Бахтин разработал концепцию полифонизма,³ утверждая, что у Достоевского голос автора не довлечет над голосами персонажей, позволяя им спорить на равных по самым коренным вопросам бытия. Подобную многоголосицу, хотя и в ином ключе, можно проследить в зрелой прозе Чулпана. Его персонажи представляют собой различные грани национального самосознания, сталкивающиеся в попытке найти выход из исторического тупика. Внутренний конфликт здесь перерастает из личного в общенародный, где вопрос о сохранении человеческого достоинства становится экзистенциальным вызовом.

Духовные искания героев обоих авторов неизбежно приводят к теме страдания как очищения. Герои Достоевского часто проходят через горнило сомнений, чтобы обрести веру, которая не является слепым догматом, а выстраданным знанием любви. Чулпан, чья судьба была трагически связана с репрессивной машиной времени, проецирует на своих героев чувство неизбежной жертвенности. Его метафорическое описание души, подобной птице, бьющейся в железной клетке, перекликается с темой несвободы духа, которая так остро стояла перед Раскольниковым или Иваном Карамазовым. Однако если у Достоевского акцент смещён на религиозно-философское искупление, то у Чулпана на первый план выходит борьба за право быть человеком в мире, где самость подавляется внешними обстоятельствами.

Интересно проследить использование пространства в произведениях. У Достоевского Петербург — это город-фантом, давящий на психику, провоцирующий на болезненные фантазии. В «Ночь и день» Чулпана пространство также наделяется психологическими характеристиками: знойный воздух, пыль и теснота старого быта создают атмосферу удушья, в которой духовные порывы героя

³ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, 1979. — С. 56-60.

кажутся безумством или святостью. Внутренний конфликт усиливается диссонансом между внутренним богатством персонажа и серостью окружающей действительности.

Современные исследователи узбекской литературы подчеркивают, что Чулпан совершил революцию в области художественной формы, привнеся в неё глубокий психологический анализ, сопоставимый с психологизмом русской классики XIX века. Это подтверждает тезис о том, что великие художники слова, независимо от их происхождения, обращаются к одним и тем же фундаментальным вопросам: о добре и зле, о смысле боли и о возможности спасения через сострадание.

Завершая краткий обзор этой масштабной темы, можно сказать, что и Чулпан, и Достоевский оставляют финал открытым для читателя. Они не дают готовых ответов, но заставляют пройти вместе с героем путь от отрицания к утверждению жизни, даже если это утверждение стоит жизни самому автору. Их наследие — это зеркало, в котором отражается вечный конфликт человеческой души, стремящейся к гармонии в расколотом мире.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, 1979.
2. Назаров Б. Чулпан: жизнь и творческое наследие. — Ташкент: Фан, 1991.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. — Л.: Наука, 1988–1996.
4. Чулпан. Избранные произведения: «Ночь и день», лирика. — Ташкент: Шарк, 1994.
5. Султанов И. Теория литературы и литературный процесс. — Ташкент: Укитувчи, 1980.
6. Карякин Ю. Ф. Достоевский и канун XXI века. — М.: Советский писатель, 1989.